

Лето в разгаре. Густая листва деревьев скрывает фасады домов, детские площадки, асфальтированные дорожки. Знакомый тополь оброс тёмно-зелёной гривой. Ещё совсем недавно листочки были нежно-салатного цвета; они висели как будто не на ветках, а в воздухе, сами по себе, каждый в отдельности. Сейчас они выросли, мешают друг другу и тихонько сорятся между собой. А когда дует ветер, они шумят и, мне кажется, иногда дерутся.

Неохотно отхожу от окна. Раскладываю бу-мажки, подключаю телефон. Сейчас начнётся...

Дзин-н-нь!

Слушаю. Девушка, приём сегодня будет? Нет, не будет. А почему? Ведь в прошлый раз тоже не было!

Объясняю. Недовольно ворча что-то, вешает трубку. Это только начало. Сегодня недовольных будет много. Наслушаюсь. Но я привыкла. Иногда шучу: во всех наших бедах и недостатках виноваты продавцы и секретарши—мы всегда на месте, и нас всегда можно безнаказанно обругать.

Девушка, можно спросить? Можно...

Алло! Вот вчера по радио говорили, что вышел какой-то документ новый, льготы пенсионерам. Я хотела спросить...

Здравствуйте! Это гаи? Нет. Это не гаи. Да мне надо в пятьсот вторую комнату. Но это не гаи. Да я только хотел спросить. Мне сказали, что справку надо принести... Я же вам сказала, что это не гаи. А что это? А-а-а... А вы не знаете, почему там никто не отвечает? Не знаю. Да я только спросить хотел...

Зайдите...

Найдите...

Пригласите...

В двенадцать у меня совещание.

Девушка, вы не знаете, как позвонить... Знаю, конечно, но почему не в справочную, интересно? Пятьдесят шесть восемьдесят пять. Как-как? Пятьдесят шесть восемьдесят пять. Девяносто шесть пятьдесят шесть? Пятьдесят шесть восемьдесят пять. А-а-а, шестьдесят семь восемьдесят семь? Пять-де-сят шесть во-семь-де-сят пять! Подождите, я запишу. Записывайте. Так, ой, где же у меня ручка? Нашла. Как вы говорите—семьдесят шесть...

Уф-ф!

Принесите мне письмо от такого-то числа. Найдите мне Петра Ивановича и Ивана Петровича. Срочно.

Срочно не получается. Пётр Иванович откликается с пятой попытки, а Иван Петрович не откликается.

Ищите!

Ищу.

Никого ко мне не пускайте—работаю с документами.

Хорошо.

Здравствуйте!—старушка, божий одуванчик.—Можно мне к начальнику? Нет, он занят. Да мне бы на минуточку. А что случилось? А вам какое дело? Но, прежде чем пустить вас к начальнику, я должна спросить у вас, по какому вопросу вы идёте. А это я ему лично скажу. К сожалению, не могу вас пустить, он занят. Чем это он всё время занят—не попадёшь к нему? Господа! Мы его выбрали, а он от людей отгораживается. Приходите в приёмный день. А когда приёмный-то? Нет. Я так долго ждать не могу. Бабушка, так всё же какой у вас вопрос? Ведь можно пойти к любому заместителю... Нет, мне надо только к начальнику.

Сидит, нахохлившись. С такими труднее всего. Кто-то обидел, а может, и нет, обозлена на весь свет—кругом враги, недоброжелатели. В душу не прорвёшься—замкнута на все замки. Заржавленные.

Можно к вам? Можно. Ой, как тут у вас красиво, прямо наступать страшно. Почему же страшно? Да боюсь запачкать ваши ковры. Никаких ковров нет—одна старая цветастая выцветшая дорожка. Без неё пол давно бы был весь испоркан тысячью ног. А цветов-то сколько! Кто же это у вас разводит? Сами? А этот как называется? А вот этот?... Вот такой у меня тоже есть. А вы знаете, у моей соседки такой цветок, я даже не знаю, как он называется, прелесть! А вы знаете, что вот этот цветок цветёт очень красиво, но запах! Знаю. А он у вас цвёл? Можно, я оторву отросточек? Спасибо. Я вам тоже какой-нибудь принесу. Нет, я обязательно принесу.

В четырнадцать ноль-ноль совещание. По списку. Хорошо. В списке семьдесят шесть человек.

Дозваниваюсь через пять, в лучшем случае через три звонка. Так, сколько же у нас звончков получилось?

Здравствуйте! Здравствуйте. Что вы хотите? Я ничего не хочу.

Усаживается в кресло. Пожимаю плечами, продолжаю вызванивать особенно неуловимых. Сидит. Молчит. Минут через двадцать поднимается и уходит.

Алло! Здравствуйте, моя дорогая! Как самочувствие? Неважное? Ну, значит, хорошо выглядите. Издеваетесь? Нет, я давно заметил: когда вы приболаете, всегда хорошо выглядите. Что ж мне, теперь всё время болеть надо, чтоб хорошо выглядеть?

Алло! Как найти Ирину Васильевну? У нас такой нет. Как это нет? Это поликлиника? Нет. Это не поликлиника.

Алло, это вы приглашали Сергея Петровича на совещание? Повторите, пожалуйста, а то я куда-то бумажку подевала. Повторяю.

В раскрытое окно доносится шум и треск, пахнет выхлопными газами — ремонтируют площадь. Это надолго. Уже года три ремонтируют, а конца и края не видно. И вообще, всё время что-то ремонтируют. Один памятник вождю каждые полгода обновляют. Любопытно бывает иногда наблюдать: Один, не торопясь, мажет раствором стенки постамента, примеряет плитку (которая, кстати, с завидным постоянством отваливается опять же через полгода). Человека три стоят или сидят, курят, а чуть в сторонке — шагах в трёх — стоит начальник. Наверное, начальник, я точно не знаю, но похож на начальника.

Дзин-н-нь... Приём будет? А когда? Вечно он занят. И чем он только занимается!

Здравствуйте.

Здравствуйте!

Скажите, пожалуйста!..

Алло? А когда...

С улицы, заглушая строительный визг, доносятся звонкие детские голоса. Подскакиваю к окну: воспитательница ведёт ребятишек на представление кукольного театра. Взгляд скользит по разноцветным одежкам детей — внука нет.

Алло! Кто у вас выдаёт удостоверения ветеранам? А где? Гоняете людей попусту. Кто гоняет? Я вам объясняю, куда надо идти... Да пошли вы сами туда!.. — бросает трубку.

Здравствуйте! Ой, сколько у вас цветов...

Здравствуйте! К начальнику можно?

А в каком кабинете заявления принимают?..

Где мне найти?..

Алло! Здравствуйте! У вас есть свободная минутка?

Пожимаю плечами, отвечаю что-то вроде: м-м-м...

Можете меня послушать? Могу. Я сегодня всю ночь не спала, написала тут кое-что. Послушаете? Послушаю.

Слушаю. Хвалю. Восхищаюсь. Желаю дальнейшего вдохновения. Сеанс психотерапии.

Кабинет заполняется людьми. Шум, гам. Всё знакомые лица. Кто-то улыбается, кто-то озабочен предстоящим разговором. Как всегда. Наконец зашли. Тишина.

Привет! Как дела? Ну, слава Богу! А как на литературном фронте? — Смеюсь: — На литературном фронте без перемен — затишье. Не фонтирируем.

Будьте добры, скажите, пожалуйста, можно вас побеспокоить? Извините, будьте так любезны, не могли бы вы подсказать, как звонить Тамаре Александровне в отдел инвестиций?

Минут пять реверансов — не меньше! Вот чего я не люблю! Спросил — ответил, чего кружева плести? Это у меня, видимо, за тридцать лет работы «девушкой на телефоне» выработалось отвращение к долгим разговорам. Очень раздражает, когда звонят и полчаса говорят ни о чём. А прервать — не хочется человека обидеть. У меня вообще с телефоном особые отношения: на первый же его зов бегу как сумасшедшая, даже дома. До смешного доходит: вот, думаю, сейчас чайку попою. Встаю из-за стола, делаю шаг в сторону шкафа — звонок. Отвечу — и снова шаг в сторону шкафа. И вновь звонок. И так бывает до пяти раз... Кстати, пока совещание, народа нет, выпью-ка я чайку. Или лучше кофе. Не лучше, конечно, но очень хочется. У-у-у, какой аромат!

Можно к вам?

Попила. «Будет тебе кофэ, будет и какао!»

Здравствуйте, я хотела узнать...

Скажите, когда начальник принимает?..

А кто у нас депутат? Да я уже забыла, за кого мы голосовали...

Алло! У нас в посёлке до сих пор общественный туалет не работает. Я бы хотела с начальником поговорить... Нет, я хочу лично с ним...

Господи, прости...

Вновь детские голоса. Группа с двумя воспитательницами. Внука нет.

Тополь шелестит листьями. Это я думаю, что шелестит, — отсюда не слышно. Тополь, тополь, как давно мы с тобой знакомы! Я люблю на тебя смотреть зимой, летом, осенью — всегда. Иногда за одну ночь твои листья становятся ржавыми (моя поэтическая душа не хочет мириться с этим определением и принимает другое слово — «седыми»). Да, они становятся седыми. Когда ты сбрасываешь их, твои голые ветки особенно хороши на фоне

фиолетово-сиреневого неба. Таким небо бывает перед вечером. Эта картина вызывает ощущение ирреальности, как будто находишься в каком-то ином мире.

Здравствуй! Можно к начальнику? Я подожду. Долго? Ну ничего, у меня время есть.

Ждёт. Молчит. Роюсь в бумажках: где-то потерялся счёт. Ага, вот он. Надо позвонить. Обещали. Время идёт, но обещанного, говорят, три года ждут.

А что это у вас за цветок?

Вздрагиваю. Уже забыла, что кто-то здесь находится,—сидит тихонько, как мышка. Видно, надоело молчать.

Портулак? Да ведь это же газонная трава. Да? А я не знала, что её можно в помещении выращивать. А это что у вас за дерево? Молочай? А как по-научному? Ой, какая прелесть. А вы знаете, говорят, вот этот цветок мужчин из дома выживает. Ну и что, что не дом? Всё равно выбросьте его. Точно вам говорю. Вот у меня соседка...

Дверь из кабинета начальника распахивается—совещание закончилось. Но споры не закончились. Крик, шум, гам—что говорят в трубку телефона, не слышу. Звонки надрываются, я кричу в трубку: «Алло! Алло!»—но звонки продолжают. Ничего не понимаю. И вдруг обнаруживаю, что кричу вместо трубки в сложенный пополам лист бумаги. Смеюсь, представляя, как выгляжу со стороны... Наконец все расходятся. Самое время отнести начальнику чайку.

Спасибо. Я сейчас уезжаю в край. Буду завтра. На девять пригласи ко мне руководителей муниципальных предприятий и замов. Хорошо.

Записываю.

Алло, девушка! Вы всё знаете: вот есть в городе фирма, которая... (Усмехаюсь про себя: кто всё знает, долго не живёт.) Позвоните по такому-то номеру, вам скажут. Ну-у, я-то думал, вы всё знаете,—разочарованно...

Ну, я поехал.

Это начальник. Смотрю в окно, как он садится в машину, мысленно желаю ему и водителю счастливого пути. Возвращайтесь благополучно. Заодно желаю счастья и здоровья проходящей бабушке с пустым пакетом в руках. Улыбаюсь: сколько людей не подозревают, проходя мимо моего окна, что кто-то желает им здоровья, спокойной старости. Особенно я жалею стариков. А за молодых прошу Бога, чтобы Он уберёт их от беды, чтобы дал им счастья... И пусть никто не подозревает этого—я-то знаю. И мне хорошо.

Опять «цветочная клумба» движется через дорогу—новая группа детсадовцев. Впереди малыш с красным флажком. Машины нехотя останавливаются прямо перед детьми. Сердце замирает

от испуга: а если тормоза откажут? Видят же, что дети идут! У нас водители вообще особенные—по пяткам могут проехать даже на «зевре». Всматриваюсь. Опять не наша группа.

Снаружи грохот. Включили компрессор. Звонит телефон. Ничего не слышу, сама кричу в трубку. Надо закрывать окно, хоть и духота страшная.

Кофе совсем остыл. Ничего, я люблю и холодный.

Приятного аппетита.

Придётся ещё подождать с кофейком; может, льдом покроется—в самый раз в такую жару. Да и обед скоро.

Телеграмма. Регистрирую. Звоню.

Я поехал. Буду часа в четыре,—это другой начальник.—Если что, звоните на мобильный.

Дзин-н-нь... В трубке звук—не могу перевести в слова: что-то похожее на щёлканье птиц.

Привет. Привет. Как дела? Нормально. Как ты? Жив, здоров и невредим мальчик Вася Бодин.

Традиционная шутка мужа. Звонит три раза в день: утром, в двенадцать и после прихода с работы. Жив-здоров. Всё остальное—дома, по телефону личных разговоров не ведём.

На обед не иду. Худею. Посижу хоть в тишине. Газету посмотрю. Чаю наконец выпью. Завариваю свежий. Аромат божественный.

Можно к вам?

Прячу чай под крышку стола, на тумбочку. Не судьба...

У нас обед до двух. Я только спросить.

Отвечаю. Разъясняю. Уходит. Слава Богу. Газетку, что ли, посмотреть? О, опять господин N статью тиснул. Почитаем, кого в очередной раз громит.

Здравствуй!

Звоню на вахту.

Почему у нас в обед люди идут? Не пускайте! Пусть ждут, ведь всё равно никого из начальства нет.

Звонок, длинный, междугородный.

Алло! Это любимая женщина механика Гаврилова? Точно, она самая!

Миша, давний друг и, можно сказать, симпатия. Обоюдная.

Из солнечной Хакасии привет! А я думала, из Тель-Авива!

Дочка его вышла замуж и уехала в Израиль. В самом Мише намешано много кровей: и хакасская, и цыганская, и русская, конечно же, и Бог знает какая ещё. А дочке больше всего досталось хакасской: румяная, круглолицая, настоящая дочь степей. Теперь вот живёт в Израиле...

Ну, пока, механик Гаврилов.

Не забывает. Сколько лет уже прошло! С грустью вспоминаю молодые годы, атмосферу дружбы и любви или, скажем так, влюблённости... «Всё пройдёт — и печаль, и радость, всё пройдёт — так устроен свет...»

За окном — детский щебет. Бегом к окну. Пробегаю глазами — нет моего. Ещё группа — нет. Ещё... Прижав стёкла очков к глазам, всматриваюсь в детей, ищу мальчика в бейсболке с красной звёздочкой — вручили за хороший результат в игре-викторине в честь Дня Победы. Мальчика нет. Мальчик уехал со своими молодыми родителями в Москву. Насовсем. И увёз с собой большой кусок моего сердца. Слёзы градом катятся по моему лицу. Ещё раз сквозь забрызганные слезами очки смотрю на ребятишек: может, всё-таки увижу своего любимого мальчика или хотя бы похожего на него малыша?... Не увидела...

Звонок.

Звонок, звонок, звонок...

Звонок, опять межгород. Из издательства. Деньги не перечислены. Возмущаюсь. Обещаю. До свиданья.

Звонок, длинный, междугородный. Москва. Минэкономразвития. Не люблю разговаривать с этой дамой, высокомерной, грубой даже...

Да-да, конечно, передам, найду, сразу сделаем, обязательно... Сегодня...

Затишье. Не верится даже. Никого нет. Ну да, как же! Скрипит дверь.

Можно? Можно, конечно, можно. Для чего же мы здесь? Нет начальника? Я подожду.

Ждёт.

Вы бы хоть вязали, — это мне. Вытаращиваюсь на неё. — Скучно же так сидеть целый день.

Спокойно, говорю себе. Не в первый раз. Пора привыкнуть.

Лена!

Это уже я кричу. Лена заглядывает в дверь.

Посиди, пожалуйста, минутку.

Лена понимающе улыбается, садится за мой стол. Через минуту возвращаюсь и вижу перепуганную Лену с трубкой в руках: начальник звонит, спрашивает, где я.

Ну, сказала бы ему, что в туалет пошла.

Лена пугается ещё больше. Беру трубку.

Ты где ходишь? Надо срочно найти в Москве... — и так далее. Хорошо, найду, какие трудности?

Ищу. Нахожу. Перезваниваю.

В три часа дня жара становится невыносимой. Зря я не пошла в обед куда-нибудь, хоть свежим воздухом подышала бы. Но одна не люблю ходить. Раньше с подругой в обед прогуливались. Тридцать лет почти, изо дня в день. Давний знакомый, завидев нас, улыбался: пока эти две блондинки ходят, я за город спокоен — значит, всё в порядке,

жизнь продолжается. Сейчас подруга не работает, и гулять мне не с кем. А знакомый пошёл в большие начальники — надо же кому-то за город ответственность нести.

Можно к вам? Можно. Что вы хотите?

Смущённо улыбается, жмётся...

Я... мне бы... У вас не найдётся книжечки? Я так люблю ваши стихи. Найдётся. Даже последнюю отдам.

А книжек и вправду нет. И издать новую — большая проблема. Спонсоры не торопятся появляться, своя зарплата не позволяет... Греет душу то, что люди постоянно спрашивают книги, интересуются. Значит, кому-то надо то, что я пишу...

Алё-ё! Здравствуйте! Запишите на приём. Нету? А когда будет? Вы каждый раз говорите: в среду, в среду... А опять нет приёма. Когда же будет? Когда назначит? А когда назначит? Опять в среду...

Бросает трубку.

Звонок, звонок, звонок...

Здравствуйте!

Можно?

Здравствуйте! Можно зайти?

Скажите, пожалуйста... А вы не знаете?... А когда?... А что вы вообще знаете? Сидите там! А вы не грубите! Привыкли над народом измываться! Кто говорит? А тебе какое дело? Всех вас стрелять надо!..

Приветствую вас! Всё цветёте? Да нет, правда — сколько вас знаю, вы не меняетесь. Точно, — отвечаю, — как в том анекдоте. Встречаются двое. «Здравствуйте, Марья Ивановна, прекрасно выглядите, прямо как цветочек». Марья Ивановна, жеманно: «Да что вы говорите?!» — «Правда-правда, я, когда вас вижу, всегда вспоминаю романс: „Отцвели уж давно хризантемы в саду...“»

Смеёмся. Я грустно, он — с ощущением вечной молодости, силы и красоты. Мы с ним ровесники.

За окном внезапно наступает тишина — выключили компрессор. Но в ушах продолжает звучать его кошмарный трудовой голос.

Звонит зам. Где машина? Выглядываю в окно: где она, в самом деле? У каждого сотовый имеется, а попробуй найди! Мимо идут двое мужчин — по виду рабочих. У одного в руках железный прут, заострённый на конце и загнутый крючком. Подходят к канализационному колодцу и крючком пытаются приподнять крышку. Что-то не получается. Внезапно хохочу как сумасшедшая. Вчера по телевизору видела кусок какой-то передачи. Там одна девушка коллекционировала крышки канализационных колодцев — искала золото маэсонов. В передаче золото нашли... Мимо идут две девчонки, в юбочках, едва прикрывающих пупки, тоже засматриваются на рабочих, о чём-то

оживлённо переговариваются, но всё-таки идут дальше, всё время оглядываясь.

Идёт мужичок, замедляет шаг, косится в сторону колодца. Парни, поковырявшись, идут дальше — наверное, проверяют систему, Смеясь, отхожу от окна.

Можно? Можно. Ой, как у вас цветов много! Сами разводите? Хорошо тут у вас. А это какое дерево? А вот этот цветок цветёт красиво, а пахнет знаете как?... Знаю.

И чувствую, что если ещё один человек сегодня скажет, как пахнет этот цветок, — укушу. Убрать его, что ли? Тогда человек тридцать обязательно спросят, почему я его убрала.

Девушка, милая, куда мне обратиться? Что случилось? Зять обижает. В милицию обращались? Да что милиция, думаю, пойду к мэру. Мы его выбрали, пусть поможет. Да как же он поможет в этом случае? Пусть вызовет его, поговорит.

Вздыхаю. Бабушку жалко, но как тут помочь? Что-то советую. Плачет. Набираю номер начальника милиции — пусть как-то обратят внимание, побеседуют с дебоширом. Обещает. Бабушка, сторбившись, уходит.

Пять часов. Из автобусов возле дк вываливается народ. Город сразу становится обитаемым.

Над моим любимым тополем висит большое кудрявое облако. Тополь не знает, что, может быть, скоро кто-то другой будет любоваться им из окна. А может, и не будет. Это ведь только мы с тополем дружим столько лет.

В стекло ударяют первые капли дождя. Ну вот, опять погода портится, а так хотелось в выходные отдохнуть на природе, позагорать...

Вспоминаю свой же стишок:

Бег времени

Опять косыми струйками дождя
Окно, как занавесками, закрыто.
Сидит ворона на руке вождя,
Бежит куда-то пёсик деловито.

Старушка ковыляет, чуть дыша,
С пустым полиэтиленовым пакетом,
И вместе с нею, тоже не спеша,
Идёт Киркоров — на пакете этом.

Проходят мимо, важные на вид,
Ухоженные, с зонтиками, дамы.
Но что-то в них такое говорит,
Что пережили дамы в жизни драмы...

А вот, как стайка бойких воробьёв,
Бегут девчонки в шапочках весёлых,
Спешат куда-то, видно, после школы,
Щебечут что-то громкое, своё.

Неоновые цифры на табло
Друг друга в бесконечности сменяют.
А девочек мальчишки догоняют —
Наверно, время им любить пришло...

За дымкой запотевшего стекла
Дождь песню монотонно продолжает.
И смотрит время в лица-зеркала,
И лица это время отражают.

Неохотно отхожу от окна — дождь люблю. Скоро шесть часов — конец рабочего дня. Одного из десяти тысяч с хвостиком моих рабочих дней.

...Как быстро идёт время! Опять лето. Июль. Площадь снова ремонтируют. Вчера срубили старый тополь, и теперь только облезлая стена пятиэтажки ласкает мой взор...